

УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ И ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В.Н. ИВАНЧЕНКО, А.Г. АСМОЛОВ, С.Н. ЕНИКОЛОПОВ

Несмотря на возрастание потока исследований в области психологии личности, приходится констатировать, что теория и практика изучения личности значительно отстают от исследований в других областях психической реальности. «Мы не знаем до сих пор,— писал А.Н. Леонтьев,— развернутой научно обоснованной программы исследований по психологии личности... Отсутствуют по-настоящему фундаментальные исследования по собственно психологическим вопросам личности, а это отрицательно сказывается на работах прикладного значения» [11; 385]. К числу таких конкретных работ прикладного значения относятся и возникающие на стыке между психологией и юриспруденцией работы по изучению личности преступника [5], [9], [12], [15], [17].

При диагностике и экспертизе тех или иных особенностей личности человека, совершившего противоправное деяние, специалисты все чаще начинают обращаться за помощью к психологам. Вследствие запросов практики буквально на наших глазах родилась или, точнее, возродилась судебно-психологическая экспертиза [10]. Но, обращаясь к психологическим построениям в области психологии личности, криминологи нередко встречаются либо со сверхобщими теоретическими абстракциями, от которых трудно перекинуть мост к конкретным фактам проявления противоправного поведения, либо с огрубленными «блочными» представлениями [14] о структуре личности [4]. И наконец, одним из самых серьезных затруднений является чрезвычайно слабая разработанность четких экспериментальных процедур, позволяющих диагностировать те или иные черты личности преступника. Использование в юриспруденции ряда психологических характеристик личности не всегда совпадает с подлинной психологической природой анализируемых форм противоправного поведения. Расхищение и воровство квалифицируются в судопроизводстве как мотивированное корыстное поведение, а хулиганство — как бескорыстное немотивированное поведение. При подобном терминологическом описании, несущем вполне определенную этическую и психологическую нагрузки, закрывается путь к выявлению действительной мотивации совершаемого субъектом противоправного акта. Приблизиться к выявлению истинной мотивации мы сможем, если будем обладать достаточно операциональными методиками диагностики противоправного поведения личности и разработанными представлениями о психологических детерминантах этого поведения.

Специалисты в области юриспруденции при анализе социального поведения прибегают к понятию «антиобщественная установка», но стоящая за ним психологическая реальность обозначена чрезвычайно нечетко. Вместе с тем запросы практики требуют обращения к экспериментальным процедурам, в частности к проективным тестам, при диагностике агрессивного

поведения. Но сама интерпретация результатов этих тестов остается на чисто эмпирическом уровне, так как нет адекватных понятий для анализа получаемого с их помощью материала. Выход из этого тупика состоит в необходимости: 1) ввести в контекст анализа противоправного поведения понятие «установка» в его собственно психологическом смысле; 2) операционализировать это понятие и тем самым сделать установку рабочим конструктом, который действительно необходим при диагностике противоправного поведения. На наш взгляд, наиболее емким и операционализируемым понятием, характеризующим механизм конкретной деятельности личности, является понятие «установка личности».

В данном исследовании мы предприняли попытку, опираясь на представление об иерархической природе установок как механизмов, определяющих направленность и устойчивость деятельности личности [3], осуществить диагностику агрессивных установок личности. Остановимся на определении тех уровней установки, которые мы используем. «Смысловая установка, представляющая собой выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, стабилизирует процесс деятельности в целом, придает деятельности устойчивый характер» [3; 75]. Как известно, операциональная установка понимается как готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации решения задачи на основе вероятностного прогнозирования и учета условий наличной ситуации.

Анализ юридической литературы показывает, что, несмотря ни на какие санкции, преступник не отказывается от своей деятельности [9], [12], [17]. Это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что, по-видимому, для преступника преступление имеет личностный смысл и во время совершения преступления актуализируются его смысловые установки. В юридической литературе действия преступника называют деянием (актом). В зависимости от вида преступления У. Чамблис выделяет экспрессивные и инструментальные деяния [1]. Он считает, что экспрессивные деяния не поддаются удерживающему воздействию наказания, а инструментальные с большой вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания и его исполнения.

Можно предположить, что в экспрессивных деяниях проявляется ослабление нормативной стороны личности преступника; в них в наибольшей степени выражаются смысловые агрессивные установки его личности. В инструментальных же деяниях проявления агрессивных установок остаются на операционном уровне.

Для проверки этого предположения мы обратились к модели ситуации фрустрации, положенной в основу методики диагностики агрессивности С. Розенцвейга. Обычно под агрессией понимается действие, которое может принимать различные формы, но цель которого всегда состоит в том, чтобы причинить вред какому-то индивиду или тому, кто с ним отождествляется [2].

Наиболее известной в психологии является теория фрустрации — агрессии, авторами которой являются И. Миллер, Д. Доллард, М. Дуб, Д. Мауер и Р. Сирс [2]. Согласно этой теории, наличие агрессивного поведения всегда предполагает существование фрустрации, а фрустрация всегда ведет к некоторой форме агрессии. Под фрустрацией понимается любое условие, блокирующее достижение желаемой цели. Агрессия определяется как поведение, цель которого — разрушить либо сместить фрустрирующий блок.

К. Левин и Т. Дембо в русле развиваемой ими концепции групповой динамики показали, что кроме агрессии возможны и другие реакции на фрустрацию [13]. Такие авторы, как А. Маслоу, С. Розенцвейг и А. Бандура, вполне резонно отмечают, что фрустрация не единственный фактор, приводящий к агрессии. Было показано, что сила агрессивного поведения возрастает с интенсивностью мотивации, связанной с фрустрацией, а побуждение к агрессивным действиям возрастает также в зависимости от близости объекта-цели в момент, когда возникает фрустрация

[13; 81]. Все это доказывает возможность исследования агрессивного поведения в ситуации фрустрации, значимость которой может варьировать в зависимости от преобладания экспрессивности или инструментальности агрессии в установке испытуемого. Представляется возможным диагностировать смысловые и операциональные установки хулиганов и воров, адекватно применив определенную теорию и метод.

Все это и побуждает нас обратиться к проективной методике С. Розенцвейга и попытаться на ее основе операционализировать представления об уровневой природе установок как механизмов, обеспечивающих устойчивость и направленность

противоправного поведения личности. Мы не будем останавливаться на построении методики, а укажем лишь на то, что при подсчете в данном исследовании каждый ответ оценивался по выраженной им направленности агрессии: экстрапунитивности, интрапунитивности и импунитивности.

В исследовании принимали участие лица, осужденные по статье 206 УК РСФСР (хулиганы) и по статье 144 УК РСФСР (воры), а третья — контрольная — группа включала студентов МГУ и учащихся ФПК. Возраст испытуемых варьировал от 18 до 45 лет.

В данной работе показателями установок выступила направленность агрессии. Используя показатели экстрапунитивности, мы диагностируем смысловые установки, которые сохраняют направленность деятельности.

Известно, что в юриспруденции есть объяснение поступков корыстными мотивами, наряду с которыми мотивы хулиганов могут квалифицироваться как «бескорыстные», которые и находят свое выражение в агрессивных установках личности. Указывая на возможность актуализации у хулиганов мотива самоутверждения и пытаясь дать поступкам хулиганов психологическую интерпретацию, мы в то же время находим подобную интерпретацию мотивации поведения в «психологизированной» юридической литературе. «Хулиганские мотивы,— пишет Б.С. Волков,— нередко именуют беспричинными, иррациональными... В основе хулиганских побуждений лежит стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить нарочито показное пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам социалистического общежития» [5; 49]. Если согласиться с этой интерпретацией, то напрашивается предположение, что за поступками хулиганов в агрессивном поведении скрывается личностный смысл, связанный с мотивом самоутверждения. Глубинное содержание поступков может выражаться смысловыми установками, показателем которых и выступает экстрапунитивность.

Известно, что от тщательно планируемых действий легче удержаться, чем от тех, которые являются результатом внезапного эмоционального импульса [1]. К числу такого рода действий относятся прежде всего экспрессивные действия. Экспрессивность деяний, которая сказывается на невозможности удержаться от проступков, может быть обнаружена в наших экспериментах в результате применения метода С. Розенцвейга, и таким образом могут быть выявлены смысловые установки личности.

Для обоснования показателей импунитивности мы опираемся на представление об инструментальном характере проявления агрессии у воров и у испытуемых контрольной группы.

По мнению У. Чамблиса, экспрессивные деяния не поддаются удерживающему воздействию наказания, тогда как инструментальные с большей вероятностью подвержены воздействию угрозы наказания [1; 101]. Встает вопрос, не носит ли агрессия у воров более инструментальный характер, чем у хулиганов. Высокие показатели импунитивной направленности агрессии могут выступить показателями операциональных установок.

Полученные на основе проведенного нами исследования проявления агрессивных установок личности у хулиганов, воров и контрольной группы выглядят следующим образом. Наибольший индекс экстрапунитивной направленности (54,7%) — у хулиганов, что подтверждает гипотезу о том, что

экстрапунитивность выступает показателем смысловых установок, экспрессивности агрессии. Низкий индекс импунитивной направленности агрессии (23,4%) указывает на возможность того, что агрессивность данной группы носит слабо выраженный инструментальный характер. Низкий показатель интрапунитивной направленности (27,1%) указывает на сдерживание внешних эмоций. Полученные ранее результаты [7] показывают, что для убийц характерен высокий показатель интрапунитивной направленности, что объясняется с позиций гипотезы Э. Мэргари,

согласно которой непроявляющаяся агрессия выступает как следствие сдерживания внешнего выражения эмоций, т. е. самоконтроля. Показатель интрапунитивности подтверждает бесконтрольность поступков хулиганов [8]. Кроме того, низкий показатель интрапунитивной направленности свидетельствует о том, что внутренние барьеры не побуждают к агрессии.

Показатели направленности агрессии согласуются с ранее проведенными исследованиями [7], [8] и приводят к необходимости диагностики агрессивных установок хулиганов.

В контрольной группе и группе воров показатели направленности агрессии почти идентичны; особенно высок показатель импунитивной направленности (соответственно 28,8 и 30,8%). Это согласуется с предположением о том, что для импунитивности характерно отсутствие агрессии в побуждениях и поступках, и указывает на преобладание инструментальной агрессии, а также на то, что импунитивная направленность есть проявление операциональных установок личности. Показатели экстрапунитивной направленности у воров (47,5 %) и в контрольной группе (49,4%) приблизительно равны. Низкий показатель экстрапунитивной направленности свидетельствует, что внешние барьеры не побуждают эти группы испытуемых к агрессивным действиям. Низкие показатели интрапунитивной направленности у воров (23,7 %) и контрольной группы (27,1 %) обусловлены выраженной импунитивной направленностью, которая характеризует инструментальность агрессии этих групп и доказывает то, что в ситуации фрустрации агрессия в большинстве случаев не побуждается внутренними барьерами, в качестве которых могут выступить правовые нормы.

Полученные результаты указывают на то, что, в отличие от группы хулиганов, в контрольной группе и группе воров агрессия носит инструментальный характер. Отсюда не следует, что эти группы сходны в мотивах. Вор совершает свое преступление ради выгоды.

Все это показывает, что у группы воров и испытуемых контрольной группы агрессивные установки проявляются в основном на операциональном уровне.

В нашем исследовании мы исходили из общего предположения о том, что степень выраженности тех или иных проявлений мотивационно-эмоциональной сферы личности зависит от того, к какому уровню регуляции поведения личности относятся эти проявления. Они могут относиться к мотивационному уровню регуляции поведения личности в целом и в этом случае функционировать в форме смысловых установок личности. Однако все эти проявления, например проявления агрессии, могут относиться и к инструментальному операциональному уровню регуляции поведения и соответственно функционировать в форме операциональных установок, определяющих способы осуществления действий [3]. Для проверки этого предположения было необходимо преодолеть две трудности: во-первых, найти тот эмпирический объект, на материале изучения которого можно было бы наиболее рельефно проверить это предположение; во-вторых, подобрать экспериментальные процедуры, позволяющие диагностировать мотивационно-эмоциональные проявления личности на разных уровнях регуляции деятельности.

В качестве эмпирического объекта исследования нами были избраны различные проявления агрессии в противоправном поведении. Средством же для диагностики агрессивных установок противоправного поведения послужила методика С. Розенцвейга, моделирующая

реальные ситуации фрустрации. Конкретная гипотеза экспериментального исследования заключалась в следующем: в так называемом бескорыстном, немотивированном поведении хулиганов проявляются агрессивные смысловые установки, отражающие структуру личности в целом, в то время как у воров агрессивность проявляется на операциональном уровне регуляции поведения, т. е. в конкретных способах осуществления действия.

Полученные в ходе экспериментального исследования результаты являются важным шагом на пути проверки этой гипотезы. Так, было установлено, что у хулиганов средний процент экстрапунитивного типа направленности агрессии — 54,7, а у воров — 47,5. Таким образом, степень выраженности открытой агрессии у хулиганов выше, чем у воров. За противоправным «бескорыстным» немотивированным поведением хулигана в действительности, как правило, стоит мотив самоутверждения, реализующийся в глубинных агрессивных установках личности. Агрессия же воров проявляется на инструментальном операциональном уровне регуляции поведения. В связи с этим особенно следует отметить, что в судопроизводстве квалификация поведения хулиганов в терминах «бескорыстное» и «немотивированное» может актуализировать соответствующие этим терминам этические стереотипы в обыденном сознании и даже повлечь за собой вполне определенные следствия при вынесении заключения, например снижение срока наказания. Поэтому представляется целесообразным внести уточнение в используемую в криминологии терминологию, более адекватно учитывающее как психологическую природу совершаемого противоправного акта, так и вызываемые этой терминологией стереотипы.

Иными словами, мы предлагаем переосмыслить понятие «антиобщественная установка», наполнив его психологическим содержанием. Без этого оно не отражает истинных мотивов человека, что наглядно видно при изучении детерминации агрессивного поведения преступников.

Важным шагом при изучении личности преступника может выступить использование определенных инвариантов субкультуры, играющей решающую роль в генезе мотивов и установок. Допустимо предположить, что известные мотивы превращаются в реально действующие [11] при превращении социо-типического нормосообразного поведения личности в индивидуально-типическое личностно-смысловое поведение [4]. Инвариантами субкультуры, воздействующими на личность, могут выступить традиции. Мысль о воздействии традиции на личность наиболее ярко выразил И. Г. Гердер: «Где существует человек, там существует и традиция... Если человек живет среди людей, то он уже не может отрешиться от культуры — культура придает ему форму или, напротив, уродует его, традиция захватывает его и формирует его голову и формирует члены его тела» [6, 231]. Противоправное поведение и лежащие в его основе агрессивные установки еще требуют специального анализа.

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная психология на Западе. М. 1978.
3. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
4. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
5. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982.
6. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человека. М., 1977.
7. Ениколопов С.Н. Агрессивность как специфическая сторона активности и возможности ее исследования на контингенте преступников // Психологическое изучение личности преступника / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 83—114.
8. Ениколопов С.Н. Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 100—109.
9. Зелинский А.Ф. Рецидив преступлений: структура, связи, прогнозирование. Харьков, 1980.
10. Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
11. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1983.
12. Личность преступника / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975.

13. Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология / Ред.-сост. П.Фресс и Ж.Пиаже Вып. V. М., 1975. С. 15—110.
14. Платонов К.К. Проблемы способностей. М., 1972.

15. *Ратинов А.Р.* Психология личности преступника: Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 3—33.
16. *Тарабрина Н.В.* Экспериментально-психологическое и биохимическое исследование состояний фрустрации и эмоционального стресса при неврозах: Автореф. канд. дис. Л., 1973.
17. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.